

ним из деятельных участников этого общества был Исаак Синклер, за что привлекался к суду и находился под арестом. Во время пребывания у Синклера поэт писал, что он возвращается в круг единомышленников.

Исаак Синклер до конца жизни (он скоропостижно скончался в 1815 году во время заседания Венского конгресса) неустанно и нежно заботился о больном друге. В 1804 году Синклер придумывает для своего несчастного друга фиктивную службу — библиотекаря в Гомбурге.

Начиная с 1806 года и до конца своей долгой жизни Гёльдерлин живет в Тюбингене — сначала в психиатрической клинике, потом у столяра Циммера. В. Вайблингер так описал одно из последних посещений Гёльдерлина в башне-мансарде: «Нельзя без удивления глядеть на его профиль, высокий, полный мысли лоб, глаза погасшие, но приветливые. Следы разрушительной болезни коснулись щек, рта и носа. Болезнь выдает себя также в какой-то глубокой и скорбной морщине, прорезавшей лоб. С жалостью и грустью замечаешь судороги, которыми порой подергивается все его лицо, даже плечи и пальцы... К посетителям он обращается не иначе, как называя их «ваше величество», «ваше святейшество» или «милостивый государь, господин патер».

Стефан Херmlin дает представление и о скитаниях Гёльдерлина по Германии, Швейцарии, Франции. До наступления полного помутнения рассудка Гёльдерлин еще пробовал устроиться в разных домах гувернером. Во время пребывания в Швейцарии он узнает о заключении Люневильского мира (9 февраля 1801 года) и встречает эту весть восторженно. «Я верю, что теперь будет по-настоящему хорошо в мире. Я хотел бы видеть новые времена, как и давно прошедшие; все мне сулит радостные дни, дни благодные, спокойные, лишённые страха» (письмо к сестре 23 февраля 1801 года).

Неожиданная смерть Сюзетты Гонтар (22 июня 1802 года), о которой ему сообщил Синклер, окончательно подорвала силы поэта. Одиноким, несчастным, с блуждающим взглядом и всклокоченными волосами, он бродит по дорогам.

В радиопьесе есть эпизод, когда французский генерал Жан Батист Журдан, поставленный во главе армии, вступившей в южную Германию, грозит расправиться с немецкими республиканцами, которые надеялись на революционную Францию. Это исторически верно: французские армии, несшие вначале высокие принципы революции, превратились в оккупантов. Лучшие умы Германии теперь надеялись только на силы своего народа.

В заключение необходимо затронуть вопрос о положении Гёльдерлина в современной ему немецкой литературе. Его творчество не укладывалось ни в рамки веймарского классицизма, ни в прихотливые формы романтической поэзии. Только наиболее чуткие из немецких романтиков заметили поэзию Гёльдерлина. В 1826 году Людвиг Уланд и Густав Шваб издали сборник Гёльдерлина, в который входило семьдесят

стихотворений. А. В. Шлегель и Клеменс Брентано оценили поэзию Гёльдерлина, а младшая сестра Брентано, Беттина фон Арним (действующее лицо радиопьесы), посвятила восторженные страницы своей книги «Die Gündertode» (1840) поэзии Гёльдерлина. Шиллер вначале благосклонно отнесся к поэту и напечатал несколько его стихотворений и фрагмент «Гипериона». Но вскоре, не без влияния Гёте, заметно меняет отношение к Гёльдерлину. Что касается Гёте, то он с вежливым равнодушием относился к Гёльдерлину. Его поэзия с космическим, всеобъемлющим мировосприятием была чужда Гёте, который советовал поэту «писать преимущественно маленькие стихотворения». И права Марина Цветаева, писавшая Горькому (27 октября 1927 года), что Гёльдерлин — гений, которого проглядел не только век, но и Гёте.

Мировая слава Фридриха Гёльдерлина и возрождение его поэзии пришли в XX веке, особенно в наши дни. Такому признанию поэта на родине и за ее рубежами много содействовал Иоганнес Р. Бехер, по-новому прочитавший и оценивший его творения. Называя Гёльдерлина политическим поэтом, Бехер определил огромную значимость его поэзии для развития немецкой культуры.

У истоков изучения Гёльдерлина и ознакомления с ним советских читателей стоит А. В. Луначарский, как исследователь и переводчик его произведений.

Юбилейный гёльдерлиновский год породил обширную литературу о поэте на многих языках мира. Радиопьеса Стефана Хермлина «Скарданелли» интересна как попытка художественно воссоздать образ сложного, быть может, до сих пор еще не совсем разгаданного писателя. Можно упрекнуть автора радиопьесы в некоторой эскизности создаваемого им характера, в преобладании Гёльдерлина-человека над Гёльдерлином-поэтом. Но Стефану Хермлину нельзя отказать ни в поэтичности, ни в находчивости, ни в своеобразном построении этой талантливой пьесы.

АЛЕКСАНДР ДЕИЧ

МОЛЧАНИЕ МОНАХА ДОУСОНА

Piers Paul Read. Monk Dawson. London, Secker and Warburg, 1969.

 оставить в центр произведения о сегодняшней Англии молодого католического монаха — нет ли в самом этом выборе героя попытки уйти от сложных проблем современности? Такой вопрос неизбежно возникает при чтении первых страниц романа Пийерса Поля Рида «Монах Доусон».

Закрытая школа при монастыре бенедиктинцев кажется надежно отгороженной древними стенами обители от грешной мирской суеты. С детства усвоенный кодекс абстрактных добродетелей оберегает душу

юного Эдварда Доусона от таких же абстрактных пороков и соблазнов.

Однако очень скоро становится ясен замысел автора — показать Англию наших дней через восприятие человека наивного и невинного, честного и добродетельного, совершенно не представляющего, какова же в действительности жизнь вне монастырских стен. Давний и беспроегрешный прием обнажения социального зла при помощи «дикаря», впервые открывающего для себя «цивилизованное» общество, по-новому используется автором. Знакомясь с Англией конца 60-х годов вместе с Доусоном, читатель в то же время имеет возможность следить за героем и его нелегким путем познания глазами рассказчика, Роберта Уинтермена, товарища Доусона по школе, ставшего преуспевающим журналистом.

Еще в годы учения проявляются лучшие качества натуры Доусона — целеустремленность и отзывчивость, доброта и сильная воля, еще в школе видит он жизненную цель в том, чтобы помогать людям. Оставшись после окончания школы в ней преподавать, он искренне верит в то, что помогает страждущим молитвами, что несет слово божье своим ученикам.

Однако именно в школе его впервые поседают сомнения в действенности его помощи. Он, например, не понимает, почему в монастырской школе не учатся сироты и дети бедняков и почему год пребывания в ней обходится от трехсот до четырехсот фунтов, что могут себе позволить только обеспеченные люди. Начинают казаться несправедливыми и некоторые от века установленные школьные порядки, когда каждый ученик старшего класса имеет право побить любого младше себя фактически без повода. Объяснения, которые он получает от руководителей школы, его не удовлетворяют, и он уходит в один из столичных приходов. Там истовая вера отца Доусона подвергается новым испытаниям.

Широко раскрытыми глазами пришельца из другого мира смотрит он на тяжелую жизнь в лондонских трущобах, и сознание собственного бессилия переполняет чашу его сомнений: церковь не всегда осуждает творящееся в мире зло, но часто поддерживает его. Сам герой говорит: «Совсем запутываешься, когда узнаешь, что епископы благословляют ружья».

Разрыв с религией и обращение Доусона к журналистике — это не просто перемена профессии. Молитвы как способ переделки мира оказались неэффективными. Его новое оружие — перо, способное искоренить зло и несправедливость в мире. Недаром в первой статье, объясняющей его отказ от сана, Доусон пишет, что «зло в мире имеет природу социальную, а не теологическую».

Он спускается из лондонское «дно», ходит по полицейским участкам и судам, пишет о ворах и проститутках, стремясь привлечь внимание общества к его изгоям. Он верит, что все люди от природы хороши, а «сомневаться в этом — и есть зло».

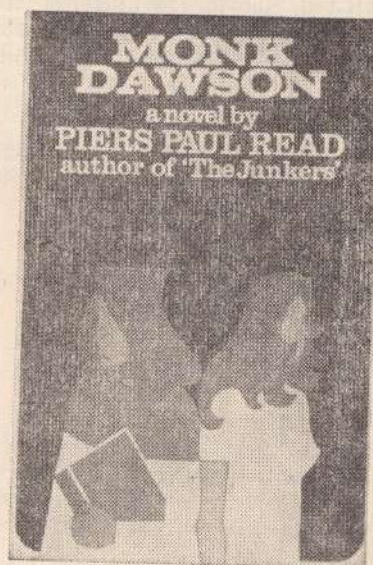
Но благородные побуждения «дикаря» по закону «жанра» в какой-то момент должны

неминуемо встретить непонимание и противодействие со стороны «цивилизованного» общества. Причины поражения Доусона в этом столкновении последовательно и ненавязчиво вскрывает рассказчик, «из-за кадра» комментирующий поступки героя. Именно он впервые называет Доусона «убежденным либералом, которого одинаково огорчало существование как преступников, так и полиции». И пока он не пытается выйти за рамки либерализма, хозяева Флит-стрит не лишали его видимости свободы писать о чем он хочет.

Однако стоило ему в очередной статье изложить точку зрения руководителя базирующихся рабочих, как сразу же возникли неожиданные для либерала и идеалиста Доусона затруднения. Ему, связанному контрактом, приходится согласиться выпустить эту статью в свет в искажающем ее смысл виде. И этот путь борьбы со злом и помощи страждущим оказывается иллюзорным.

Так же иллюзорно и непрочно и личное счастье простодушного Доусона. Его возлюбленная Дженни Стэнтен, богатая и сумасбродная женщина, которой надоели однообразные лондонские поклонники и увеселения (и Доусон-то привлек ее только потому, что совсем не походил на ее знакомых), оставляет его и в поисках новизны уезжает с молодым американцем в Венесуэлу, чтобы вступить в ряды партизан.

Рассказывая о приключениях Дженни в Венесуэле, Рид выгодно отличается от многих молодых интеллигентов из числа «новых левых». Он трезво оценивает чисто внешнюю архиреволюционность определенной части западноевропейской молодежи и ее поверхностное увлечение теориями и «романтической» партизанской войны. Он знает, что этими молодыми людьми чаще всего движет не глубокое понимание закономерностей революционной борьбы, а охота к перемене мест и жажда острых ощущений.

СРЕДИ КНИГ

То ли венесуэльская полиция, то ли, как мимоходом замечает автор, американская секретная служба следит за Джени и ее спутником. В тот же день, когда они находят партизан, лагерь окружают. Партизанский отряд разгромлен, а Джени после недолгого домашнего ареста благополучно возвращается на родину.

Тяжело переживая крушение своей новой веры и измену Джени, Доусон связывает судьбу с другой женщиной. Их брак без любви неудачен. Тереза, человек ограниченный, не в состоянии понять его мучительных раздумий о смысле бытия. Они становятся все более и более чужими друг другу, и в конце концов Тереза кончает самоубийством. Совершенно измученный и запутавшийся, Доусон вновь обращается к богу. Он вступает в монастырь трапистов, принимающих обет молчания.

В поисках истины Доусон прошел полный круг: от по-юношески восторженной веры в бога как во всемогущую высшую силу до сознательного отрешения от мира и возвращения к религии, как к последнему убежищу от жестокости мира. Ему нечего больше сказать людям, ему остается только молиться и молчать.

Думается, что к эскепизму Доусона Рид относится критически, что видно хотя бы из того, что он предоставляет своему герою возможность избрать путь активного противодействия социальному злу.

И тут особое значение приобретает разговор Доусона с руководителем бастующих рабочих, коммунистом Маккеоном. Доусон едет на встречу с ним, полный чисто буржуазных предубеждений. Он считает забастовку «глупостью и эгоизмом», потому что эти люди «приносят вред интересам страны, чтобы добиться небольших преимуществ для себя». Но аргументы Маккеона, ясные, четкие, обоснованные, увлекают и захватывают его.

Маккеон убежденно говорит о том, что непосредственный повод для забастовки, на первый взгляд несущественный, в действительности является лишь внешним выражением глубоких противоречий. Объединяя

Доусона с либералами, Маккеон обвиняет их в том, что они готовы удовлетвориться незначительными реформами и «не желают радикальных перемен, которые бы отняли власть у денежного мешка и отдали бы ее в руки людей».

Поверив в правоту рабочего лидера, Доусон обещает написать все именно так, как сказал ему Маккеон, а тот предостерегает его, считая, что такую статью не напечатают, и оказывается прав.

Что же все-таки мешает Доусону окончательно встать на сторону Маккеона? Он не может преодолеть извращенные представления о жизни в социалистических странах, представления, которые формируются на Западе порой под воздействием самых нелепых и клеветнических измышлений, обрушивающихся из «свободных» средств массовой информации. Рид вплотную подводит Доусона к черте, отделяющей прекрасодушный и наивный либерализм от борьбы. Но перейти эту черту герой не в силах. Судьба его, человека субъективно честного, видящего зло, но не знающего, как с ним бороться, типична для многих интеллигентов Запада. Финал романа — молчащий и молящийся Доусон — символ сокрушительного поражения либерализма.

Появление в «Монахе Доусоне» образа коммуниста не случайно. Еще в предыдущем романе «Юнкеры» (1968 г.) Рид с глубоким уважением рисовал выходца из старинной немецкой юнкерской семьи, который во время второй мировой войны, находясь в рядах вермахта, сближается с немецкими коммунистами, помогает им, а в конце книги становится одним из руководящих работников в ГДР, посвящая свою жизнь построению новой Германии.

Пиейрс Поль Рид молод. Талант психолога, мастерство стилиста и обостренное внимание к социальной несправедливости — такое сочетание обещает многое. Сегодня П. П. Рид — один из тех, кто стремится продолжать лучшие традиции английского социально-психологического романа.

Г. АНДЖАПАРИДЗЕ

